

ЛЕТ ДЕСЯТЬ назад, когда вышел мой роман «Не стреляйте в белых лебедей», среди писем-откликов были и такие: «Зачем вы надорвали читателям душу, заставили плакать!», «Это очень жестоко — плохой конец... Ну зачем вы так?!». Тогда, отвечая своим корреспондентам, я припомнил, как повел однажды маленького племянника в кино. Фильм проходил по детскому разряду, но повествовал о войне: там убивали, хоть, правда, и не главных героев. В таких местах племянник категорически требовал: «Дядя Боря, закрой мне глазки!» И я исполнял его требование, понимая, что шестилетнему зрителю ни к чему такие встряски. Но когда взрослые тети сердятся на писателей, что они «не закрывают им глазки», мне делается не по себе. Не по себе, потому что страх перед эмоциональной нагрузкой, нежелание сопереживать, боязнь «надорвать душу» есть не просто выражение эмоционального эгоцентризма, а вполне определенный взгляд на искусство не как на способ познания окружающей действительности, а как на способ отвлечения от этой действительности.

К сожалению, за эти годы щадящих своей психикой читателей не убавилось, и по-прежнему я получаю письма, в которых меня упрекают в жестокости по отношению к созданным мной героям.

У меня нет практически ни одного произведения, в котором был бы счастливый конец. Разумеется, это не случайность. Михаил Ульянов сказал мне однажды: «Знаете, если искусство и учит, то страшно медленно. А хотелось бы не просто показать человеку еще одну безошибочную или ошибочную жизнь, а потрясти его душу...»

Потрясти, вывести из равновесия читателя, зрителя, слушателя, чтобы он разрыдался, чтобы ощутил чужую боль как свою, чтобы он отложил книгу и вытер слезы! Да, и к этому я стремлюсь, убежденный, как и мой единомышленник, выдающийся актер и настоящий гражданин М. Ульянов, в том, что только неравнодушные способны сделать мир лучше, справедливее, добрее.

ОДНА из самых гениальных книг, созданных за всю историю человечества, — это «Приключения Тома Сойера». Она решила проблему, выходящую за рамки какого бы то ни было поколения, времени или народа. Она сказала: есть два способа воспитания молодых людей. Кого вы хотите получить? Вы можете получить Сида Сойера — такие не воруют варенье, не обманывают родных. Они чинные, аккуратные и благовоспитанные, они любят ходить в воскресную школу и внимательно слушают проповеди. А есть другие — и варенье могут слопать, и тетюшку обмануть, и жуткие фантазеры. — но именно Том Сойер найдет свою Бекки Тэчер, и протянет руку дружбы в трудную минуту, и поддержит, и спасет.

Поколение, к которому мне выпала честь принадлежать, от которого в живых осталось три процента (а теперь уже намного меньше), воспитывалось по системе воспитания Томов Сойеров. В нас поощрялись живость, озорство на грани дерзости, буйство фантазии и желание все делать своими руками. Я рос и воспитывался в то сказочное время, когда в школе педагогами в большинстве своем были мужчины, и они знали, как надо воспитывать мужчин. И еще. Нас воспитывали в безусловном предании, что завтра будет война, и мы с малых лет готовились встретиться с врагом лицом к лицу в чистом поле, и мы знали назубок даты великих побед русского оружия, и мы верили, что никогда никакой чужеземец не сумеет нас победить! Из нас росли бойцов, и девочки наши мечтали о героях — летчиках, танкистах... Ах, командир, лейтенант, затянутый в ремни, развернутые плечи, летящая походка... Мы бредили военными профессиями, не было для нас ничего более романтического и привлекательного.

Будь проклята война еще и за то, что почти не стало в школе мужчин, что ушли учителя на фронт и не вернулись, и заняли их место женщины. Но при всем моем глубочайшем уважении к ним, не в состоянии женщины в школе заменить мужчин, поэтому и развелось у нас теперь столько инфантильных сорокалетних мальчиков, поэтому грозное слово «феминизация» не перестает звучать на педагогических советах, в научной среде, на газетных страницах. И я убежден, что предстоящая школьная реформа, которая так насущно необходима, будет успешной лишь в том случае, если мужчины вернутся в школу.

ХОРОШИЕ мальчики всегда рождались в России, на них она и держалась. Декабристы, народолюбцы, большевики — совесть народа, цвет времени. Чувство чести, долга, патриотизма было для них столь же органичным, как любовь к матери. Вижу смысл литературы в том, чтобы наши мальчики, мужая, знали, во имя чего стоит отдавать жизнь.

Этот год богат юбилеями. Шестидесять исполнилось Бондареву и Окуджаве, Астафьеву и Быкову... Шестидесять лет и за моими плечами. Есть некая закономерность в том, что целые поколения после войны, хлебнувшие ее в 17—19 лет солдаты и лейтенанты стремились зафиксиро-

ваться, могу пересказать, только часто добавляю «от себя»... Чувство юмора помогает жить, писателю оно совершенно необходимо. А вот научиться писать с юмором — задача непростая. Когда-то в молодости даже приходилось заниматься составлением сборников для эстрады. И к этой работе, как к любой, относился серьезно. Трудлюбие, мне кажется, является основной моей чертой. Не представляю себе дня, не наполненного до отказа каким-нибудь занятием — чтением нужных книг или работой за письменным столом, да хоть прополкой огорода, только не пустым времяпрепровождением! Жизнь так коротка, а хочется так много успеть!

Мы слишком добрые. Мы позволили этим людям обнаглет и перестать бояться выходить на свет. Они растлевают молодежь, они лишают юных веры в справедливость, путают ориентиры.

Зачем учиться в физтехе, по шестнадцать часов в день просиживая за учебниками, когда дядя устроит на теплое местечко, где «есть перспективы»? Как должно чувствовать себя молоденькая девушка из семьи инженеров, если ее подруга блистает брильянтами в семнадцать лет? Какие слова должен находить писатель, убеждая молодого читателя в том, что нет достойнее дела на земле, чем честный труд на благо Родины, а парень видит,

родной. Куда же из дома-то уходить? Видно, понятие престижной и непустительной профессии возникло у людей ущербных, страдающих какими-то комплексами. Вы актриса? Талантливая? Прекрасно. Вы слесарь? Высокой квалификации? Честь вам и хвала! Вы работаете мастером машинного доения? У вас все хорошо получается? Примите мои поздравления! Почему, ну, почему мы мало говорим и убеждаем в том, что всякое дело достойно уважения, когда делает его Мастер!

Прошла эра физиков, на которых смотрели чуть ли не как на сверхчеловеков. Пронеслась эра журнализма. Что сейчас?

В России часто дело передавалось от отца к сыну. Военные, купцы, заводчики твердой рукой направляли своих детей, не спрашивая желания, по избранной старшим стезе. Было в этом немало положительного, потому что же лучше расскажет продолжателю дела о всех тонкостях, как не отец родной? И сын крестьянина был крестьянином, и сын рабочего стоял в цехе за соседним станком.

Революция дала свободу выбора. Революция приучила молодежь к слову «надо!». «Дашь Магнитку, Комсомольск, Турксиб!». И сегодня ребята с комсомольскими значками едут на БАМ, в Нечерномье и на другие стройки. Все ли они найдут там свое настоящее призвание? Не знаю, но уверен, что школа тяжелого труда любому человеку, прошедшему ее в юные годы, может принести пользу, может сформировать принципы Личности. Опыт, даже отрицательный, все равно пригодится.

Очень многое зависит от старших. Надо направить энтузиазм молодежи в нужном направлении и не заставлять ее преодолевать искусственно создаваемые трудности, трудности, возникшие из-за того, что кто-то сидит не на своем месте, или разгильдяски относится к своим обязанностям, или просто лодырь. Это все не проходит бесследно, это все замечается, становится поводом для разговоров и раздумий. А самое страшное — может привести к выводу, что не стоит по-настоящему вкалывать, и так сойдет! Ненавижу бездельников, не знающих, куда девать лишнее время, как будто время может быть лишним...

МОЛОДЕЖНЫЕ газеты часто пишут о «проблеме свободного времени». Это же чудовищно, не знать человеку, чем заняться, как время убить! И тут не помогут никакие дворцы культуры и клубы, потому что это только футляры для культуры, если нет желания к самосовершенствованию, если молодой человек не хочет понять, что другой такой минуты не будет, что нельзя вернуть ушедший миг, что не восполнить потраченный впустую день. Свойство молодости, скажете вы, считать жизнь бесконечной? Отчасти верно, однако стоит ли бесконечно жаловаться на скуку, ныть, злиться?

Знаю очень простой рецепт: НАДО РАБОТАТЬ. В этом для меня весь смысл существования, как мне объяснил его в моем давнем детстве отец. Я выбрал работу писателя и никогда не жалел об этом, хотя дорога моя в литературе была отнюдь не ровной и уж тем более не усыпанной цветами.

НЕ ПЕРЕСТАЮ постоянно учиться, не перестаю терзаться сомнениями по поводу написанного. Знакомый писатель как-то сказал, что если бы валялся книжка без обложки, без заголовков, то только по нескольким строкам можно определить — это Чехов. Грешно сравнивать себя, но «А зори здесь тихие...» написаны совершенно иначе, чем «Не стреляйте в белых лебедей», а «Были и небыли» — чем «В списках не значился». Работая над новой вещью, всегда стараюсь писать ее иначе, чем предыдущую, придавая новому содержанию новую форму, пробуя новый стиль.

По своему мироощущению я даже больше оптимист, я — романтик. Это оптимист, который на всякий случай еще все красит в розовый или голубой цвет. Я верю во все хорошее. У меня нигде почти нет отрицательных персонажей, а если и есть, то они никогда не были главными.

Я люблю людей, и мне бесконечно трудно разочаровываться, менять свое мнение о ком-то. Но уж если так случается, готов вложить в создание такого персонажа всю свою ненависть. Такова Валлендра из романа «Завтра была война».

И еще я уважаю своих читателей, только хотелось бы, чтобы, требуя от создателей книг умения мыслить, они отвечали нам тем же. Давайте вместе подумаем, правильно ли живем, давайте попытаемся сделать жизнь лучше — не для себя, для всех людей.



ровать пережитое. Участие в войне для поколения 1924 года рождения — не подвиг и не жертва потому, что мы поступали естественно, а жертва и подвиг представляли собой выход из естественного. Мы являли собой реальный результат правильного воспитания, живое воплощение идей революции.

ЧТО ЖЕ постоянно в этом столь стремительно меняющемся мире? Порядочность, надежность, умение оставаться достойным человеком при любых, самых серьезных испытаниях. Великая русская литература вывела «загадочную славянскую душу» на мировую арену, дала такие образцы гуманизма, которые не смогут превзойти писатели всех последующих поколений. Значит ли это, что, сознавая свою несоизмеримость с гигантами, не стоит хотя бы попытаться сказать свое? Нет, конечно, только говорить нужно так, чтобы читатель в каждом написанном слове ощущал твою боль, твою радость, твоё стремление изменить мир к лучшему.

Мой идеальный герой — человек, который сам знает, что ему нужно делать. Федот Васков, лейтенант Ковалев, Николай Плужников, Егор Полушкин и другие, — смею думать, разные по характеру, профессии, по возрасту и темпераменту — имеют в основе одно: стремление к справедливости. Каждый раз, принимаясь за работу над новой повестью или рассказом, я стремлюсь снова и снова воззвать к людской совести, заставить читателя хоть на мгновение увидеть мир глазами моих героев. Им, рожденным моим воображением, моим сердцем и опытом жизни, досталась нелегкая судьба, но все они честно прошли свой путь. Хотел бы и в реальной жизни иметь таких друзей.

ЯОЧЕНЬ смешлив с детства. Я потерял сознание от хохота на чаплинском фильме «Новые времена». Вообще смотрю фильмы не как «киношник», а как благодарный зритель, верю всему, что мне показывают, радуюсь и плачу вместе с героями фильма. Если он

МЫ МНОГО говорим о духовности, но многие ли из нас способны были бы выдержать испытание одиночеством? Задумайтесь — сколько времени вам не скучно наедине с собой? Есть ли какая-то мысль, которую непременно нужно обдумать? Мучает ли вас неразрешенный вопрос? Нашли ли вы ответ на главное — для чего жить?

Сейчас в чем-то легче — мы все, пожалуй, едины в желании сохранить жизнь на земле, и это не пустые слова, а ясная задача, решить которую под силу порядочным, достойным людям. Иначе все теряет смысл...

Неужели нужна беда, для того чтобы люди почувствовали необходимость друг в друге? Трагедия в Иванове, где пронесся разрушительный смерч, показала, на какую душевную щедрость способны прежде вовсе не знакомые люди — нянечек было больше, чем больных, все готовы были идти ухаживать... А когда все войдет в колею?

СЕНАВИСТЬЮ отношусь к тем, кто посвящает свое существование гнусному накопительству, кто единственную радость видит в том, чтобы нахапать как можно больше, за тащить в свою квартиру еще, еще, еще. Такие способны на любую низость, у них нет даже представления о каких-то границах дозволенного, о том, что возможна иная форма бытия, кроме всепоглощающего стремления «быть не хуже других». О, эти современные кулаки! С каким презрением они смотрят на тех, кто не имеет заграничного тряпья или фирменной аппаратуры. Они еще смеют презрительно рассуждать о людях, честно работающих и не заботящихся о том, чтобы выставлять напоказ импортные ярлыки! И самое страшное, что это кулачье может встретиться под крышей НИИ или в доме творчества, в новых кварталах огромных городов или в коттедже крестьянина-умельца. Где же мы упустили? Где же прошла та граница между желанием жить нормально и неистребимым стремлением «отличиться», «блеснуть» не дарованием, не работоспособностью, но каким-нибудь толковым предположением — новыми шмотками, личным автомобилем, двухэтажной дачкой...

что рядом облицовывается кафелем бассейн на даче торговца овощного ларька?

Я не знаю, что нужно сделать, чтобы они боялись нас, но нельзя это терпеть. Нам отомстит будущее. Какие бы мы ни говорили слова, ребенок воспитывается только на примере, и это единственный способ воспитания, известный человечеству; другого, хоть ты умри, не изобретешь. Если папа врет маме, мальчик будет врать тоже. Если мама обманывает папу, девочка обманет своего будущего мужа. Атмосфера лжи разъедает душу, и тогда правильные слова проносятся мимо, а слышатся лишь те, которые хочешь услышать, которые обернутся «делом», тем самым, что дает «еще, еще, еще».

КИНО — моя колыбель, мое гнездо — там. Вот мученье! Пишешь, мучаешься, страдаешь, а потом начинается сдача позиций, по кусочку, по реплике откусывают от тебя потихонечку... Выходит на экраны — мать честная, да то ли я пивы все равно люблю кино, люблю его людей, фанатичных, не признающих другой жизни, чем нервная, напряженная жизнь кинематографистов.

Совершенно особый мир создают грузинские мастера. Еще даже титры не пошли, а ты безошибочно определишь — это Грузия. Загадай лучших фильмов в том, что в бесконечно узнаваемом мире живут самые обыкновенные, порой забавные, порой странные люди, но все они — крестьяне, рабочие, ученые, старики — интеллигентны в самом высшем смысле этого слова. Благородство, духовность, человеческое достоинство отличают героев этих фильмов, говорят о национальном характере народа несравненно лучше, чем те произведения, в которых этнография давит образность, а вместо живых людей действуют какие-то автоматы, симулирующие то тревогу за загрязнение окружающей среды, то борьбу за выполнение плана по урожаям, то еще какой-нибудь животрепещущий конфликт.

Грузинский кинематограф есть явление подлинно национальной культуры и в высших своих достижениях стал частью культуры мировой. Он близок и понятен людям, в Грузии никогда не бывавшим и, может быть, даже не представлявшим, что есть такая страна.

НА БЫВШЕМ Путиловском заводе в Ленинграде есть фамилии, которые трудятся там по столет. Правнук первого работает, и сын его будет работать, и внук. Он знает этот завод, этот цех до последнего закоулочка, он знает всех, это действительно его дом